

БЫЛА ЛИ «БЕРИЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ» В СССР? (К ВОПРОСУ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ)

В конце 1930-х гг. массовая операция по репрессированию «врагов народа» в СССР пошла на убыль, резко уменьшилось число арестов. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 ноября 1937 г. приняли Постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором, в частности, констатировались факты «проникновения» в органы НКВД «врагов народа», занимавшихся подрывной деятельностью в форме допущения беззакония по отношению к советским гражданам. Была организована работа по пересмотру уголовных дел и рассмотрению жалоб от арестованных и их родственников. Из мест лишения свободы и из числа подсудимых были освобождены несколько десятков тысяч человек. Однако эта работа не была спланированной и целенаправленной. Более того, Постановление давало установку на продолжение борьбы с «врагами народа», что и было органами НКВД организовано.

Ключевые слова: политические репрессии; реабилитация жертв репрессий; Западная Сибирь.

Тема массовых репрессий уже получила достаточно широкое освещение в средствах массовой информации, в многочисленных публицистических и художественных произведениях, в специальных исследованиях ученых-правоведов, историков и краеведов. Одним из вопросов, представляющих интерес для исследователей, остается организация работы по реабилитации жертв репрессий. Проведение ее позволяет достаточно точно определить истинное число пострадавших, выявить формы и методы следствия, режим содержания в местах лишения свободы и многое другое, что не может не иметь важного значения для понимания происшедшего в СССР в те страшные годы. В настоящее время все большее распространение получает точка зрения, что первая волна реабилитации в конце 1930-х гг. была во многом связана с именем Л. Берия. Даже появился активно используемый термин «бериевская оттепель», в период которой якобы были освобождены десятки, если не сотни тысяч безвинно репрессированных.

В начале октября 1938 г. по инициативе И. Сталина под председательством Н. Ежова была создана комиссия в составе Л. Берия, А. Вышинского, А. Рычкова и Г. Маленкова, которой необходимо было в десятидневный срок разработать проект постановления высших органов власти по вопросу арестов, прокурорского надзора и ведения следствия. Это решение оказалось одним из первых шагов в «наступлении» на всесильный наркомат НКВД. Был изменен порядок утверждения в должностях ответственных работников целого ряда наркоматов страны и непосредственно НКВД, в котором утверждению в ЦК ВКП(б) подлежали даже руководители всех городских и районных подразделений, через партийные органы была организована проверка всех руководящих сотрудников НКВД и их назначение на должности.

Главная цель всех этих мероприятий заключалась в организации кампании «чистки» органов НКВД от проникших в них «врагов и шпионов». Началась массовая «зачистка» органов НКВД по всей вертикали управления. Результатом этой кампании стали снятие с должности наркома Н. Ежова, замена почти всего руководящего состава органов от наркомата до руководителей НКВД-УНКВД республик, краев и областей. Партийные руководители на местах «прозрели» и стали сигнализировать о многочисленных фактах нарушения законности со стороны сотрудников органов, требуя привлечения их к ответственности. Сталин лишь давал указания

о разборе этих сообщений, направлял на места комиссии для проведения арестов «виновников». Прямым исполнителем его воли стал Л. Берия. Только с сентября по декабрь 1938 г. было арестовано 140 чел. из центрального аппарата и 192 – с периферии, в том числе 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик. В 1939 г. аресты продолжились, было арестовано 1960 чел. оперативного состава НКВД, пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. В процессе «ликвидации» заговора в НКВД аресту подверглись более трех тысяч человек [1. С. 254–259]. Сталиным были смещены политические акценты в проводимой политике: ранее необходимые ему «опричники» стали не нужны, теперь партия «искореняла зло», восстанавливая справедливость.

Изменение отношения к некогда всесильному НКВД было вызвано изменением репрессивной политики, которая со второй половины 1938 г. пошла на убыль. Причин было несколько.

1. Советский Союз был заинтересован в дальнейшем развитии внешнеэкономических связей и добился значительных успехов в этом, но в целом международное положение страны заметно ухудшилось. Будучи не допущенным к решению вопросов европейской политики со стороны Франции и Англии, СССР пошел на сближение с фашистской Германией, что потребовало прекращения репрессий в отношении немцев и представителей ряда других национальностей.

2. Число репрессированных втрое превысило ранее разработанные планы, и по этой причине лимиты в 1938 г. были заметно ограничены и «давались» только отдельным областям, краям и республикам, каковых оказалось 22.

3. Инакомыслящие и колеблющиеся, в том числе и в партийных рядах, в большинстве своем были уже уничтожены.

4. В стране произошла смена элит, в частности в промышленности и других сферах народного хозяйства, но новая элита оказалась не готовой в полной мере решать задачи подъема экономики страны в условиях надвигавшейся войны.

5. Попытки вывести экономику на необходимый уровень через борьбу с «вредителями» из числа тех же руководителей и специалистов также не способствовали повышению эффективности функционирования народного хозяйства.

6. Из активного процесса функционирования народного хозяйства репрессиями «выбивалась» наиболее трудоспособная и деятельная часть мужского населения, что вело не только к подрыву экономики, но и ослабляло обороноспособность страны.

7. Система ГУЛАГа оказалась не способной «переварить» миллионы арестованных – постоянно возникали проблемы с передислокацией сотен тысяч заключенных, их размещением, питанием, медицинским обслуживанием и многими другими вопросами. Созданные руками заключенных результаты труда были значительными, но экономически не выгодными.

Можно назвать еще ряд причин, однако главным фактором стало некое, на мой взгляд, «прозрение» руководства страны от результатов сотворенного ими и обострение целого ряда проблем, решить которые не удалось. В этих условиях и начался процесс реабилитации жертв репрессий. Начало кампании пришлось на конец 1930-х гг., когда руководством страны были «пресечены» «имевшие место» случаи беззакония, допущенные по отношению к советским гражданам «врагами народа и шпионами, пробравшимися в органы НКВД». Результатом «прозрения» явилось принятие 17 ноября 1938 г. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», адресованное органам НКВД, прокуратуры и ВКП(б) всех уровней, до горкомов и райкомов партии включительно [2. С. 266–268].

Документ этот интересен во многих отношениях. В нем отмечались «несомненные заслуги» органов НКВД перед Советским государством и советским народом по разоблачению и уничтожению многочисленной армии врагов – шпионов, диверсантов, террористов и вредителей, мешавших успешному построению социализма и движению к «светлому будущему» – коммунизму. Однако здесь же делалась оговорка, что врагов осталось еще много и следовало впредь вести с ними беспощадную борьбу.

Таким образом, ранее поставленные перед «силовиками» задачи продолжали оставаться в числе первоочередных и важнейших. Предлагалось лишь вести эту работу новыми методами, так как работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. А органы прокуратуры не только не устраняли нарушения революционной законности, но фактически узаконивали их.

«Новизна» заключалась в том, что были упразднены созданные по инициативе Л. Кагановича в 1935 г. «тройки», ограничены права Особого совещания при НКВД. Воссоздавалась видимость действия в стране правовых механизмов – запрещалось проведение каких-либо массовых операций по арестам и выселению; аресты предлагалось проводить только с санкции прокурора или по постановлению суда, при этом органы НКВД должны были представлять доказательства вины подозреваемого. Следствие полагалось вести с соблюдением всех требований Уголовно-процессуального кодекса, а работники прокуратуры должны были проверять выполнение этих требований.

Все это предполагало недопущение впредь тех «недостатков и извращений», которые стали возможными благодаря подрывной деятельности «врагов», пробравшихся в органы НКВД. Согласно названному документу именно они запутывали уголовные дела, проводили необоснованные аресты, организовали систему упрощенного ведения следствия и суда, бездоказательно осуждая тысячи невинных к расстрелу либо длительным срокам отбывания наказания в лагерях и тюрьмах. В заключении Постановления работники НКВД и прокуратуры предупреждались о возможном привлечении к ответственности, вплоть до судебной, в случае «нарушений советских законов и директив партии и правительства».

Следствием Постановления явилось издание уже 26 ноября 1938 г. приказа НКВД № 00762 (с грифом «совершенно секретно»), в котором положения Постановления были детализированы применительно к деятельности подразделений НКВД как в Центре, так и на местах, давались указания по его выполнению. В последующие месяцы НКВД и Прокуратура СССР издали еще несколько приказов и директив, трактовавших положения и установки Постановления, разъяснявших механизм его реализации. В их числе приказ НКВД № 00786 «О порядке согласования арестов», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001214 от 26 декабря 1938 г. «Об отмене решений бывших троек НКВД», приказ НКВД № 00116 от 4 февраля 1939 г. «О порядке рассмотрения жалоб осужденных бывшими тройками НКВД (УНКВД)», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001156 от 20 февраля 1939 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и др. Все названные документы имели гриф «совершенно секретно» [3].

Верховный суд СССР своими постановлениями также внес изменения в процесс расследования политических преступлений, в частности по доказательной базе наличия умысла и политической мотивации преступления. Однако при этом продолжал действовать тезис А. Вышинского о признании как доказательстве вины, а на допросах к арестованным применялись пытки, которые были «узаконены» указанием Сталина в январе 1939 г. в отношении «явных и неразоружившихся врагов народа». Деление на «явных» и «неявных» отдавалось на откуп следователям.

Можно оценивать названное Постановление по-разному, но с его выходом начался период пересмотра дел осужденных. Так, А. Топтыгин в книге «Лаврентий Берия. Незвестный маршал госбезопасности», со ссылкой на датированный мартом 1940 г. отчет, подписанный заместителем начальника ГУЛАГа старшим майором госбезопасности А.П. Лепиковым, приводит данные, что «за один 1939 год было освобождено как за истечением сроков изоляции, так и по другим основаниям: из лагерей – 223 600 чел., из колоний – 103 800 чел., а за первые два месяца 1940 г. – 51 500 чел. (в т.ч. из лагерей 33 000, из колоний 18 500 чел.)». Общая цифра в 378 900 чел. внушительна, но реальной обстановки и складывавшейся ситуации по реабилитации или пересмотру дел не показывает.

Надо учитывать, что основная масса вышеупомянутых освобожденных – это лица, осужденные за общеуголовные преступления, и были освобождены они не по причинам прекращения или пересмотра дел. Подтверждением этого могут служить данные, приведенные тем же автором. Он пишет, что за первый квартал 1940 г. из ИТЛ были освобождены 53 778 чел., в том числе по прекращению и пересмотру дел 16 448 чел. (9 856 и 6 592 чел. соответственно), что составило 30,58% от общего числа освобожденных.

Данные цифры могут быть вполне объективными, но только для какого-то небольшого периода времени (к сожалению, источник информации неизвестен), хотя с общим выводом А. Топтыгина, что «даже если в полгода таким образом освобождалось 20–25 тыс. человек, число освобожденных к началу войны могло составить от 100 тыс. до 120–130 тыс. человек», согласиться сложно. Автор указывает, что его «предположение основано на одном только факте анализа состава освобожденных за один квартал», поэтому приведенные им общие цифры следует рассматривать не более как предположение [4. С. 79–80].

Однако отдельные исследователи выводят еще большие цифры по числу реабилитированных. Так, журналистка из Петербурга Е. Прудникова, уже полемизируя с А. Топтыгиным, приводит данные – 170–180 тыс. чел.: «до начала войны было освобождено около тридцати процен-

тов заключенных в годы ежовских репрессий». Эти цифры и вывод являются, на мой взгляд, неверными.

Автор проанализировала многочисленные материалы и оперирует цифрами, не подтвержденными официальными источниками и документами, допускает их вольную трактовку, приводящую к заявлениям подобного характера: «около половины “репрессированных” получили малые сроки» и находились «в системе исправительно-трудовых колоний...», либо, говоря об освобождении: «мы не учитываем тех, кому, например, снизили сроки заключения» и т.п. [5. С. 125–128].

Д.А. Ванюков и И.В. Суслов приводят данные о 837 тыс. реабилитированных только в 1939 г. [6. С. 97]. Серго Берия привел данные об освобождении на 1 марта 1940 г. 28,7% из 1668 тыс. политзаключенных, что составило почти 479 тыс. чел. [7]. Подобными «фактами», аргументами и выводами исторической правды не восстановить. Приведу несколько контраргументов.

1. *Об освобождении из-под стражи.* В результате компьютерной обработки архивно-следственных дел на репрессированных жителей нынешних Алтайского края, Томской и Кемеровской областей установлено, что в 1939–1940 гг. из-под стражи были освобождены всего 841 чел. (536, 171 и 134 соответственно) в связи с прекращением дел за отсутствием состава преступления, за неподтверждением предъявленного обвинения и по другим причинам (табл. 1).

Таблица 1

Численность освобожденных из-под стражи в связи с прекращением или пересмотром дел в 1939–1940 гг. на территории современных Алтайского края, Томской и Кемеровской областей

Субъект	Количество арестованных в 1937–1938 гг.	Число освобожденных из-под стражи в 1939–1940 гг.	% от числа арестовывавшихся в 1937–1938 гг.
Алтайский край	15 465	536*	3,47
Томская область	12 710	171	1,35
Кемеровская область	25 621	134	0,52
Всего	53 796	841	1,56

Источник: Подсчитано автором по результатам обработки автоматизированных баз данных репрессированных жителей Алтайского края и Томской области.

*В Алтайском крае статданные сформированы по принципу учета прекращенных дел (в том числе прекращенных в связи со смертью).

В последующий период (до 1954 г.) в Томской области из-под стражи был освобожден всего 201 чел., причем с 1948 г. число освобождаемых исчислялось вообще единицами [8. С. 133–134]. Приведенные цифры не позволяют вести речь о трети освобожденных от общего числа осужденных «контрреволюционеров». Учитывая существовавшие в системе НКВД принципы соревнования по направлениям оперативно-служебной деятельности, выполнению «контрольных» цифр и т.п., трудно допустить, что чекисты Алтая и Томска входили в число худших.

2. *О малых сроках заключения.* Необходимо четко представлять, что абсолютное большинство всех руководящих и директивных документов как партийно-советских, так и правоохранительных структур, по крайней мере, конца 1920–1930-х гг. обычно предполагало и рекомендовало применять «суровые меры» ответственности за содеянное преступниками, т.е. «врагами народа». В 1937 г. максимальный срок лишения свободы был увеличен с 10 до 25 лет. В приговорах суда 1937–1938 гг. минимальный срок лишения свобо-

ды составлял 5 лет. Обработка автоматизированных баз данных на репрессированных жителей Алтайского края, Томской и Кемеровской областей позволила установить, что из 12 710 репрессированных жителей Томской области срок менее 10 лет в эти годы получили 820 чел. (6,45%). На Алтае такие сроки получили 3766 чел. (24,35%), в Кемеровской области – 254 чел. (0,99%). Однако следует учитывать, что очень часто мера пресечения составляла 7–8 лет лишения свободы, что, конечно же, к малым срокам отнести нельзя.

3. *О сокращении сроков наказания.* Сокращение срока наказания не является реабилитирующим основанием и в рассматриваемый период на «контрреволюционеров» не распространялось.

На мой взгляд, число освобожденных было много меньше от приведенных А. Топтыгиным и Е. Прудниковой цифр и исчислялось лишь несколькими десятками тысяч человек. Подобную позицию разделяет и П. Соломон, приведя пример, что Верховный суд СССР начал пересмотр и отмену приговоров, вынесенных по политическим делам, в конце декабря 1938 г., о чем

достаточно широко информировала советская печать. При этом данные Р. Медведева о нескольких «десятиках тысяч» отмененных приговоров (цифры, несомненно, завышены) он берет в кавычки. Пересмотр же дел осужденных «тройками» НКВД требовал непосредственного участия в процедуре начальников УНКВД, что было нереально, и «в результате общее количество заключенных, осужденных тройками, которые обрели свободу в 1939 и 1940 гг., было незначительным. Предположительно оно не превышало нескольких тысяч человек...» [9. С. 247].

Причин этому несколько.

Во-первых, приказ НКВД от 26 ноября 1938 г. начал поступать на места только в декабре. Механизм его исполнения был во многом не ясен.

Во-вторых, надлежало провести отбор «кандидатов на освобождение» из почти миллионной армии заключенных по политическим мотивам. Эта проблема была наиболее сложной, так как в лагерях это сделать было практически невозможно по причине того, что на заключенного в лагере имелся совсем незначительный набор документов: учетная карточка заключенного, содержащая краткие биографические данные, сведения об осуждении (каким органом, когда и по какой статье) и некоторые другие.

В деле на заключенного чаще всего содержался «набор» тех же данных, а также служебная переписка в отношении заключенного – выписка из решения «тройки», справка о состоянии здоровья, меморандум с характеристикой заключенного и оценкой его социальной опасности, информация о передвижении по местам лишения свободы, если таковые имели место. Однако на основании этих документов выяснить правомерность или неправомерность осуждения было практически невозможно, так как материалы следствия хранились в НКВД по месту ведения следствия.

Именно в органах НКВД выполнение приказа оказалось серьезной проблемой в силу нескольких факторов.

1. *Постановление 17 ноября 1938 г.* констатировало необходимость продолжения борьбы с «врагами народа», и эта борьба была продолжена. Число только осужденных за контрреволюционные преступления в 1939 и 1940 гг. составило 135 695 чел. (63 889 и 71 806 соответственно). Число арестованных и находившихся под следствием было еще большим.

2. *Кадровая проблема.* Численность городских и районных аппаратов НКВД редко превышала 30–40 чел., причем оперативный состав насчитывал менее половины этой численности. Начало кампании по «исправлению ошибок» совпало с чисткой органов НКВД, организованной Берией, в ходе которой часть сотрудников была арестована и предана суду, часть уволена из органов или переведена в другие подразделения НКВД либо направлена для продолжения службы в другие органы. Вновь принятые на службу сотрудники не имели ни опыта, ни знаний форм и методов оперативной работы, не владели чаще всего и в малой степени спецификой следственного процесса. Более того, никто, в том числе руководители и опытные сотрудники, не понимали сути реабилитации и механизма пересмотра дел. Ведь еще накануне приходили приказы и

указания со ссылками на решения партии и правительства, требовавшими искать и искоренять многочисленных «врагов». Невольно у них возникали вопросы: как (и кого) в этих условиях искать и каким образом устранять свои собственные «ошибки, недостатки и извращения», как выглядеть в глазах «молодых» сотрудников и др. А за что тогда давали ордена и звания, повышали по службе?

Психологическое состояние сотрудников органов НКВД, на мой взгляд, достаточно полно характеризовал бывший начальник Томского городского отдела НКВД И. Овчинников. Будучи арестованным, он написал в следственную часть НКВД письмо о том, что его «посадили в тюрьму за поступки и действия, в правильности которых он не сомневается... и не имел права сомневаться, которые в те времена [1937–1938 гг.] при той обстановке не считались даже ошибкой, но которые сейчас (в 1940 г. – В.У.)... возведены в ранг тяжелого преступления.

...Безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.

...Я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их я по той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и **точное выполнение директив УНКВД, я не имел** (здесь и далее выделено мной. – В.У.). Да во всех этих поступках, которые возведены в ранг преступления, виновен не столько я, сколько та объективная обстановка работы и поведение других работников, **указания и директивы УНКВД, которые я не мог не выполнять.** Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же “другие времена, другие песни”.

...Я был поражен установками на размеры операции, на упрощенный порядок следствия, на методы вскрытия правотроцкистских организаций и т.д. Я пережил тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией НКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует – значит, так надо; значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с Московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов – это не только Нарком НКВД, это для меня был, прежде всего, секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал, прежде всего, как ссылки на указания ЦК ВКП(б). Да и как можно было сомневаться, если тебе говорят о директивах ЦК и правительства, если прокуратура дает такие же директивы, если дела по правым и троцкистам рассматривались в суде явно упрощенным порядком...» [10. Т. 8. Л. 25–26, 43].

И.В. Овчинникову вторил бывший начальник отделения третьего отдела Сиблага И.И. Колесников, показавший на допросе в 1957 г.: «Необходимо заметить, что оперативные работники... видели, что допускается

беззаконие, однако не только противостоять этому беззаконию, но даже и обсуждать его мы не имели права потому, что руководство управления и отдела заявляло, что такова директива центра, и мы обязаны выполнять ее, в противном случае сами можем понести тяжелое наказание... В результате такой тяжелой обстановки в управлении, где на моих глазах избивали и истязали известных мне честных сотрудников органов, таких, например, как Сурнов, Мортон (правильно Суров, Мартон. – В.У.) и других, я вынужден был выполнять все, что мне приказывало непосредственное начальство» [11. С. 163].

3. *Количество дел, подлежащих пересмотру.* Таковых по стране насчитывалось сотни тысяч, от персональных до дел с десятками и сотнями фигурантов. В качестве примера – выдержка из письма начальника Особого отдела УГБ НКВД 78-й стрелковой дивизии П.А. Егорова Сталину, написанного в декабре 1938 г.: «...примерно до конца сентября или начала октября месяца 1937 года операция... не касалась широких слоев населения. С октября 1937 года в массовом количестве стали поступать категорические требования усиления операции. Телеграммами указывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД («харбинцев») и др. УНКВД НСО (Новосибирской области. – В.У.) стало спускать периферии “контрольные цифры” на арест, называвшиеся “минимум”, так как давать результаты ниже их запрещалось. Например, Томск получил такие контрольные цифры на 1 500, 2 000, 3 000 человек. ...В начале декабря месяца 1937 года получили указание, что судебная “тройка” заканчивает свою работу 10.12, после чего она ликвидируется. Неожиданно числа 10.12 в Томск приехал Мальцев и на созванном совещании оперсостава выступил буквально с такими “указаниями”:

“Партия и правительство продлили срок работы “троек” до 1 января 1938 года. За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря – после выборов в Верховный Совет, начать “заготовку” (аресты. – В.У.). Даю вам три дня на “заготовку”, а затем вы должны “нажать” и быстро закончить дела... Возрастным составом я вас не ограничиваю – давайте стариков. Нам нужно “нажать”, т.к. наши уральские соседи нас сильно “поджимают” (идут по операции впереди Новосибирского УНКВД. – В.У.). По РОВСу («Российский общевойсковой союз». – В.У.) вы должны дать до 01.01.38 г. не менее 1100 человек, по полякам, латышам и др. не менее 600 человек в день, но в общей сложности, я уверен, что за эти дни вы «догоните» до 2000 человек. **Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7 – 10 дел в день – это немного, т.к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске “дают” по 12 – 15 дел в день... Учтите, что ряд горотделов – Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский – вас могут опередить. Они взяли на себя самообязательства выше, чем я вам сейчас предложил”** [12. Т. 2. С. 165, 170–171].

Это один пример по одному гораппарату НКВД, а ведь таких подразделений в системе НКВД было сотни, и контрольные цифры доводились до всех, а «правила

соревнования» требовали их выполнения, так как победителей награждали и возвышали, а «неудачников» наказывали – таков принцип социалистического соревнования, общий для всех, независимо от направления и профиля деятельности.

Таким образом, несмотря на рост численности кадрового состава НКВД, можно предположить, что плановой кампании реабилитации организовано не было, а в органах НКВД на местах обошлись минимальными усилиями. Так, при проработке фондов приказов по делопроизводству и личному составу УНКВД по Новосибирской области не было выявлено каких-либо распорядительных документов об организации работы по пересмотру уголовных дел, созданию каких-либо рабочих органов для этой деятельности.

4. *Какие дела подлежали пересмотру?* Работа с архивно-следственными делами позволяет сделать предположение, что пересмотру подверглись в первую очередь дела групповые и те, которые велись «врагами народа и шпионами», проникшими в органы НКВД. Такими в **УНКВД по ЗСК (НСО)** оказались Г.Ф. Горбач, И.А. Мальцев, Н.С. Великанов, И.В. Овчинников, А.И. Успенский, Д.К. Салтымаков, Ф.Н. Иванов, А.П. Невский, Б.Е. Меринов, В.И. Евсеев, Н.И. Таныгин, Ф.В. Воистинов, Б.М. Резниченко, М.И. Длужинский, М.О. Голубчик, А.А. Белобородов, А.М. Степанов, Д.Т. Кононов, А.Г. Луньков, А.И. Белоусов и др. **На Алтае** – С.П. Попов, П.Р. Перминов, И.К. Лазарев, И.Я. Юркин, Т.К. Салтымаков, В.И. Смольников, Г.С. Каменских, Г.Л. Биринбаум, И.Я. Шутилин, А.Т. Степанов, А.А. Жилков, Т.У. Баранов. **В Омской области** – К.Н. Валухин, К.К. Пастаногов, Г.Я. Витковский, Г.Н. Саенко, сотрудники Тарского окротдела НКВД Шиманов и Шаповалов, следователи Пешков, Вазбис, Залкин, Каган, Ракита и др.

Другим источником для пересмотра дел могли быть обращения осужденных к лишению свободы в адрес ЦК ВКП(б), И. Сталина, членов Политбюро и секретарей ЦК ВКП(б), Прокурора СССР, наркомов, которые в абсолютном большинстве адресатам не направлялись, а подшивались в делах среди документов служебной переписки. Факты использования этих обращений подтверждаются материалами, хранящимися в пересмотренных делах.

Порядок рассмотрения жалоб был следующим. Если прокурор по спецделам усматривал нарушения в проведении следственных мероприятий в отношении осужденного, то он выносил протест на предмет пересмотра дела. После вынесения протеста органы НКВД начинали проводить дополнительное расследование, связанное с перепроверкой ранее полученных показаний, выявлением новых свидетелей и передопросом старых, направлением запросов и т.п., но очень часто это доследование превращалось в формальный акт.

И. Гридунова, рассматривая роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. [13. С. 647–662], отмечала конкретные случаи, когда следствие прокуратуры, доказывавшее невиновность осужденного, не становилось причиной для более качественного доследования сотрудниками НКВД и не влияло на пересмотр дела.

Рассмотрение жалоб шло очень медленно. Так, за период с января по сентябрь 1940 г. в Алтайскую краевую прокуратуру поступили 27 253 жалобы, из них 12 845 (47,1%) – по спецотделу с жалобами на приговоры, вынесенные внесудебными органами – «двойками», «тройками» и Особым совещанием. В отдельных случаях эти жалобы рассматривались по несколько месяцев. Так, прокурор Змеиногорского района держал дело на «проверке» 3 мес., Смоленского – 4, а Павловского – 6.

Со временем «скорость» рассмотрения дел несколько возросла. Если в 1939 г. проверялись 7–8 жалоб в день, то в 1940 г. – уже 15–16. Ускорение в работе было вызвано развернувшимся соревнованием между сотрудниками спецотдела краевой прокуратуры – яркий пример социалистических реалий – не служебный долг и обязанность, а соревнование и показатели. Качество отходило на второй план, ведь главное – пересмотреть как можно больше, даже если все решения будут отрицательными.

Тем не менее если на начало 1940 г. приходилось 4 194 нерассмотренные жалобы, то к 1 октября их осталось 1 367, в том числе 348 с 1939 г. Медленное рассмотрение жалоб было связано с двумя причинами: органы НКВД часто не высылали вовремя запрашиваемые прокуратурой дела, да и районные прокуроры медлили с их проверкой [13. С. 653–655].

Необходимо учитывать еще одну особенность проверки законности осуждения «тройками». В случае осуждения к ВМН – расстрелу – законность осуждения проверке не подлежала, даже если в результате исследования устанавливалась необоснованность осуждения. По существовавшей практике следователь НКВД еще до исследования указывал на нецелесообразность проведения проверки в отношении таких приговоров.

Важную роль при пересмотре играло социальное происхождение осужденного. Например, факт контрреволюционной агитации со стороны жительницы с. Загайново Тальменского района П.И. Игонькиной в ходе исследования не подтвердился, но в постановлении прокурора спецотдела было отмечено: «...принимая во внимание, что осужденная... является классово чуждой», жалобу «оставить без удовлетворения» и приговор «тройки» не отменять. Социальное происхождение решало судьбу человека и определяло его виновность или невиновность [13. С. 656–657].

Все вышеперечисленные факторы не позволили развернуть работу по пересмотру дел в кратчайшие сроки и на плановой основе, а с 1940 г. число арестов в стране вновь стало расти (табл. 2) [14. С. 66, 74]. Однако если рост числа заключенных составил чуть менее 1/3, то политических – почти вдвое, что может свидетельствовать о продолжении преследований по политическим мотивам.

Т а б л и ц а 2

Численность заключенных в местах лишения свободы СССР в 1938–1941 гг. (по данным на 1 января)*

Год	Численность заключенных всего, чел.	Осужденных за контрреволюционную деятельность, %
1938	996 367	18,6
1939	1 317 195	34,5
1940	1 334 408	33,1
1941	1 500 524	28,7

* Таблица составлена М. Детковым по материалам исследований В. Земскова и Д. Волкогонова. По данным А. Дутина, в 1940 г. число заключенных было равно 1 659 992 чел. А. Зубков количество лиц, находившихся под стражей (под арестом – заключением под стражу) и отбывавших наказание в ИТУ, определяет по 1939 г. в 1 669,6 тыс. человек, а по 1941 г. – в 2 204,4 тыс. чел., достигнув наивысшего уровня в расчете на 100 тыс. населения – 1 119 чел. См.: Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М.: PRI, 2000. С. 18.

5. *Была ли заинтересованность у сотрудников НКВД в пересмотре дел на осужденных по политическим статьям?* Однозначно нет. Выше причины этого уже были названы. В дополнение можно заметить, что в отдельных делах приходилось встречать документы, содержавшие информацию о пересмотре дела и необходимости освобождения осужденного из заключения. Такие документы встречались редко, но они были. Однако часто не предпринималось ни малейших усилий по поиску осужденного в местах отбытия наказания, что делать было необходимо, и человек продолжал отбывать срок наказания, иногда не доживая до освобождения.

Возможно, это связано с тем, что, как пишет П. Соломон, в «период с 26 декабря 1939 г. по 22 апреля 1940 г. руководители областных управлений НКВД имели право отменять решения бывших троек и обращаться в центральный аппарат НКВД с ходатайством о разрешении на освобождение заключенных из лагерей. Начиная с 23 апреля 1940 г. руководители НКВД областного масштаба могли лишь просить Особое Совещание НКВД в Москве о принятии подобных решений. Такая процедура была установлена уже в октябре

1939 г. для ходатайств о простом сокращении наказания по делам, рассмотренным тройками» [9. С. 258–259]. Подобная практика также вряд ли способствовала проявлению «интереса» к работе по пересмотру дел при прочих более важных задачах оперативно-служебной деятельности органов НКВД.

По выводам И. Гридуновой, результативность работы по реабилитации в 1939–1941 гг. была незначительной. Согласно материалам отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края органы НКВД края по протестам прокурора в 1939–1940 гг. вынесли постановления о прекращении дел в отношении 42 лиц, что составило лишь 0,35% от общего количества осужденных «тройкой» УНКВД края [13. С. 658–659].

Таким образом, период первой волны реабилитации, названный указанными выше исследователями «бериевской оттепелью», исходя из всего вышеизложенного, таковым на практике не стал. Партийно-советское руководство продемонстрировало «готовность» к восстановлению справедливости по отношению к незаконно репрессированным гражданам, наказанию виновников произвола – «врагов», пробравшихся в органы НКВД, и т.п.

Однако одновременно с этим вновь было заявлено о том, что государство находится в окружении враждебных стран, а по этой причине население СССР не должно терять бдительности, зорко высматривая притаившихся врагов. Выявленные архивные документы только

подтвердили, что партийно-советское руководство страны, несмотря на заявленные изменения во внутренней политике, практически не прекращало проведение политики по преследованию всех инакомыслящих и неугодных, продолжая арестовывать их за «контрреволюцию».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. 432 с.
2. История советских органов государственной безопасности. Макет учебного пособия / Научно-издательский отдел ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1987. 476 с.
3. Из перечня рассекреченных документов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-КГБ, хранящегося в личном архиве автора.
4. Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М. : Яуза, Эксмо, 2005.
5. Прудникова Е. Последний рыцарь Сталина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
6. Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. М. : Издательство Мир книги, 2007. 240 с. Сер. История России.
7. Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М. : Современник. 1994. Электронная версия.
8. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336.
9. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
10. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. Л. 25–26, 43.
11. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005. 432 с.
12. Архив УФСБ РФ по Томской области Д. П-5046. Т. 2. Л. 165, 170–171.
13. Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
14. Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово : РИПК работников МВД СССР, 1992.

Статья представлена научной редакцией «История» 2012 г.